

Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Если во многие праздники Божией Матери так хочется говорить и вспоминать о чудном Матернем Ее заступлении рода человеческого, то ныне, когда Она, чистейшая Дева, провождаемая «свещеносицами девами», как трилетствующая юница, входит в храм Господень, душа чувствует побуждение говорить и изображать чудную добродетель девства, которая столь Ее украсила и произрастила из себя прочие Ее добродетели, как тенистый лес гору, Ее покрывшие и душу Ее как бы в «преиспещренную» (Пс. 44, 10) прекрасную одежду одевшие.

Девство Божией Матери это прекрасный крин среди терния мирской суеты и страстей, который так привлек к себе Небесного Жениха Христа своею красотой и благоуханием, что «возжелал Царь доброты Ее» (Пс. 44, 12) и вселился в утробу Ее, когда восхотел низойти на землю и спасти падшего человека. Когда самое семя и корень человеческой жизни были отравлены ядом греха, нужно было бессеменно воплотиться Христу от Пречистой Девы, вложить как бы новую закваску в падшее естество человека. Девство это прекраснейший и нежнейший цвет естества человеческого. Оно превосходит пределы естества самого и хранящих его нерастленным уподобляет Ангелам. Ничто так не поднимает дух к небесам, не отторгает от уз плоти, не вводит в общение с небожителями, как небесная добродетель девства.

И вот для сохранения-то его Пречистая Дева еще с трех лет поспешила скрыться в сени священного храма, где не могло бы оно потерпеть никакого вреда от ока лукавого, – поспешила в те годы, когда еще сознание едва начинает раскрываться, когда вещи мира еще входят своими образами в душу лишь с прекрасной стороны с той, о которой сказал Господь по созданию: «Се добра зело» (Быт. 1, 31); когда скрытый и как бы внедрившийся в них отпечаток смрадного греха еще почти неприметен, неощутим для невинного детского взора, если же и приметен, то, как и всякий смрад, вселяет лишь отвращение к себе. Душа Пречистой Девы сделалась, таким образом, «дверью непроходимую для помыслов» суетных и злых, а Сама Она сделалась «непроходимыми вратами, тайно запечатствованными», чрез которые должен был войти лишь Бог Слово.

Но как сплетать похвалу чудному девству нам, имеющим уста нечистые и сердце оскверненное? Не то же ли это для большинства из нас, как бы «одушевленному Божию Кивоту коснуться рукою скверных» или человеку невоздержному, пресыщающему себя разнообразными и тучными яствами восхищаться прелестью поста, скупому, собравшему миллионы богатств в сокровищницы свои, хвалить милосердие и бессребреническую щедрость, тщеславному, всю жизнь собирающему похвалы людские, говорить умилительные речи о преклоняющем голову и потупляющем взоры смирении? Ведь и вообще мир так мало ценит девство само по себе. Он только полюбуется его красотой на мгновение и затем тотчас в низинах душ у большинства людей мира, как испарения из болота, поднимается жажда грубых наслаждений плоти, которые, им кажется, скрыты под прекрасным покровом девства. Девство, сохраненное в целостности и непорочности, столь редко встречается на земле: о нем говорят даже, что оно улетело на небо, ибо любит более общение с бесплотными Ангелами и духами праведников на небеси совершенных. Оттого-то вскоре же по создании человека на земле «всякая плоть растлила путь свой» и не мог Дух Божий более пребывать среди людей, обоняя непрестанно восходящий от земли смрад содомского греха, пока огнем с неба не попалили нечестивые города Содом и

Гоморру и иные, водами всемирного потопа не истребил все живущее на земле, кроме праведного Ноя с его семейством, и таким образом очистил оскверненную блудом землю (Быт. 6:11–13, 18:20–21). Не так ли будет, как в дни потопа, и пред вторым славным пришествием Христа на землю (Мф. 24, 38–39). Тогда нечестивый мир, олицетворяемый тайнозрителем в образе древнего развращенного Вавилона, уподобится великой блуднице, напоющей всех царей и народы земли из мерзкой чаши своего любоддеяния (Откр. 17, 1–2).

Но что же, братие? Если девство добродетель более небесная, чем земная, неужели мы так и не должны уже о нем вспоминать, говорить, любоваться его красотой? Ведь тогда и на небо видимое с его красотой не пришлось бы смотреть нам, недостойным «воззрети и видети высоту небесную», отягчившим землю хождением по ней. Неужели лишиться себя пользы от созерцания чудной красоты? Ведь, быть может, одна искра, луч света, упавший оттуда, с неба, разгонит мглу нашего греха, преклонившего нас долу, низвергающего в бездну. Быть может, поможет этот светлый луч заметить на пути падения какой-нибудь спасительный уступ, ухватиться за него и предохранить себя от падения в бездну.

Если кого сподобил Господь еще сохранить девство нерасхищенным и нерастленным, тот да хранит его как зеницу ока. Пусть затворяет тщательнее двери очей своих, не дает вторгнуться туда худым помышлениям и мерзким соблазнительным образам. Ведь иногда сквозной ветер, в малую щель тонкою струею прокрававшийся в комнату, сокрушает крепкое и цветущее тело человека, который не хотел остеречься. Так, если не побережь дверей души от входящих соблазнительных мыслей и образов, целые тучи как бы испарений болотных греха будут подниматься из низменных недр души и тела, заполнять все более и более душу и все существо человека, пока он не сделается неспособным уйти от этого болотного смрада, не привыкнет к нему, как различные обитатели болот.

Но если даже и утратил кто сокровище девственной чистоты, он все-таки, по милости всещедрого Бога, не лишился надежды причаститься прекрасных его дарований. Посмотрите на этих блудниц, которые приходили ко Христу с покаянием и предварили праведников мнимых в Царствии Небесном (Мф. 21, 31). Вспомните погружавшихся в бездну блуда Марию Египетскую, Пелагию, Евдокию и иных, которые слезами покаяния убелили одежды души своей и уподобились Ангелам. Вспомните даже праведника Ветхого Завета, в котором девство еще менее было похваляемо и ценимо само по себе, царя Давида, как он «паче снега убелился» (Пс. 50, 9) покаянием, после того как срастворил грехпрелюбодеяния с жестоким убийством. Вспомните особенно «во многия грехи впадшую жену», которая, «мироносицы взявши чин», пришла ко Христу, омывая слезами Его ноги, отирала их волосами, прежде прельщавшими взоры людей, сообщников ее греха, и вопияла Христу: «Да не отвержешь мене блудную, Родивыйся от Девы... радости Ангелов». Вспомним все это и будем стенать и плакать, если утратил кто сокровище девственной чистоты, любезной Богу: «Сего ради к Тебе припадаю, и тепле вопию Ти: якоже блуднаго приял еси, и блудницу пришедшую: тако приими мя блуднаго и сквернаго, Щедре». Будем окаивать себя за растраченную чистоту души и тела, молясь усердно: «Мглою греховною и страстями житейскими сплетаемь ум окаянныя души моя, страсти различныя раждает и в помысл умиления не приходит. Но ущедри, Спасе, смирение мое и даждь ми помысл умиления, да и аз спасаемь прежде конца воззову благоутробию Твоему: Господи, Христе Спасе мой, отчаяннаго спаси мя и недостойнаго».

Вообще же будем помнить, что сохранил девство не столько тот, кто по каким-либо обстоятельствам, иногда вынужденно, не утратил телесной чистоты, но более тот, кто сохранил в сердце всецелую, неразвоенную любовь к Богу. Он войдет в число тех девственников, которые, не связанные узами никакой земной плотской сласти в сердце, следуют за Агнцем Христом, куда бы Он ни пошел, и будут «искуплены... Богу» Христом от всякого колена и языка и народа и племени, ибо они «непорочны» и «в устах их нет лукавства»! Таковые и на земле готовы всегда сретить Христа с открытыми дверями души (Откр. 14:4–5, 5:9, 3:20), с зажженными светильниками, как девы мудрые, встречающие жениха (Мф. 25, 1–3). Они от всего сердца, сретая «Христа раждающегося», будут петь эту чудную песнь, которую начинает как бы нарочито петь святая Церковь именно с нынешнего праздника в честь Пресвятой Девы, вшедшей в храм для соблюдения своего девства и сделавшейся «невестокрасительным храмом» Самого Христа: «Христос раждается, славите; Христос с небес, срящите; Христос на земли, возноситеся. Пойте Господеви вся земля, и веселием воспойте людие, яко прославися».

Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской

Использованы материалы: Азбука.ру,

Ответственный редактор: архимандрит Сергей (Шагаев)

Технический редактор: священник Сергей Макаров

Верстка: Ирина Тимошина